

ОЛЬГА
МЕДВЕДКОВА

Ф.И.О.

Ольга Медведкова
Ф. И. О. Три тетради

«НЛО»

Медведкова О.

Ф. И. О. Три тетради / О. Медведкова — «НЛО»,

ISBN 978-5-44-481653-0

Ф. И. О. – фамилия, имя, отчество – как в анкете. Что это? Что есть имя? Владеем ли мы им? Постоянно или временно? Присваиваем ли себе чужое? Имя – росчерк пера, маска, ловушка, двойник, парадокс – плохо поддается пониманию. «Что в имени тебе моем?» А может, посмотреть на него с точки зрения истории? Личной истории, ведь имя же – собственное. Имя автора этой книги – как раз и есть такая история, трагическая и смешная. Чтобы в ней разобраться, пришлось позвать на помощь философов и поэтов, писателей и теологов, художников и историков. Пришлось вызвать из небытия тени бабушек и дедушек. И назвать их по имени. Книга написана в форме дневника, ведущегося в парижской квартире во время карантина, в трех тетрадях, соответствующих трем именам автора: Оля Ярхо – в детстве, Ольга Анатольевна Медведкова – в паспорте и Medvedkova, Jarho Olga Anat – во французской карточке медицинского страхования. Читателей дневника автор приглашает подумать, разобраться, поиграть в имена. Ольга Медведкова – прозаик, историк искусства и архитектуры, старший научный сотрудник Национального центра научных исследований Франции, автор романа «Три персонажа в поисках любви и бессмертия» (НЛО, 2020).

ISBN 978-5-44-481653-0

© Медведкова О.

© НЛО

Содержание

Первая тетрадь	5
17 марта	7
18 марта	10
19 марта	13
20 марта	16
21 марта	18
Конец ознакомительного фрагмента.	21

17 марта

1. В начале третьей части цикла «В Поисках утраченного времени» Пруст описывает впечатление, которое производило на него имя Германтов. Семья главного героя, от лица которого ведется повествование, живет (то есть нанимает квартиру) в парижском особняке Германтов и наблюдает за их жизнью – со стороны. Повествователя, тогда совсем молодого человека, больше всего коробит и даже ранит то, что своей подчеркнутой элегантностью, доступной любой женщине со средствами, графиня Германт противоречит мифологическому сиянию, мистической славе имени «Германтов» (конечно, отсылающих к франкам, к арийцам, к тому, что Германты – как аристократы – представляют собой особое племя, особую расу). Это имя, пишет Пруст, является одной из колонн, одной из сияющих золотом статуй, поддерживающих своды королевской Сент-Шапель. В словах об имени Германтов, в описании впечатления, которое оно на него производит, Пруст постоянно использует библейскую и литургическую лексику. Тут для него не существует ни вкуса, ни иронии. Имени Германтов слагает он псалмы; имя это поет и гремит как фанфара. Это имя – идеал, противостоящий прогрессу, современной пошлости, технике, газетам. Это имя – легенда, сказка, витражи. А носители этого имени – не соответствующие его блеску «обычные» люди. Имя живет своей собственной, отдельной от людей жизнью.

В статье «Пруст и имена» Ролан Барт сделал из прустовских имен систему, превратив выбор писателем имени (имен) для своих героев в центральное событие его творческого процесса. По Барту, у Пруста два времени: время «имен» и время «вещей». Они не совпадают, а лишь соприкасаются. Первое – царство идей и воображения, второе – феноменов и критического видения, возникающего при попадании имен в реальность. Именно в области имен собственных Пруст работает как поэт. Эти имена озвучены особенным образом: *Germantes* – длинное слово, с непроизносимой, но весьма ощутимой последней «е».

2. В письме от 23 мая 1909 года Пруст спрашивал у своего друга Жоржа де Лориса, носит ли кто еще имя Германтов или это имя свободно, на тот случай если бы он сам захотел взять его в качестве псевдонима. Ибо существовал замок Германтов, а если род прекратился, то имя можно было заново использовать (возобновить).

Сегодня Германты – это деревня на реке Марне, в двадцати пяти километрах на восток от Парижа. Почитатели Пруста туда не ездят, ибо знают, что весь шарм, весь блеск Германтов не в реальности каменных стен и садовых дорожек, а в слове, в имени. Для Юлии Кристевой Германты – это и вовсе «метафора Сущего как предмета Литературы».

Что же до замка Германтов, то он был построен в самом конце XVII века финансистом Поленом Прондром (1650–1723), который по замку стал зваться Прондром де Германт; до 1800 года замок принадлежал его семье, потом через не слишком блестящие браки перешел к семье Толозан, потом к Ларенти. В 1922 году замок был куплен нуворишами, баронами Хоттингер. Короче, ничего вразумительного. И все же. В 1903 году (Пруст это знал) замок был летней резиденцией Франсуа де Пари, юноши неземной красоты. В 1901–1902 годах Пруст подружился с компанией молодых людей, принадлежащих к сливкам аристократии. Франсуа де Пари (имя которого звучало словно королевское) не непосредственно принадлежал к этому кружку, но был знаком со многими его членами, в частности с Бернаром де Фенелоном и с Жоржем де Лорисом. Однажды Франсуа присоединился к экскурсии по старинным церквям Иль-де-Франс, организованной Прустом под названием «Рёскин».

3. Я почти ничего не знаю о моих предках, о значении и происхождении их имен. Чье имя, чьи имена я ношу? Но всякий раз, когда я пытаюсь заглянуть в метрики и заняться такого

рода поисками, меня охватывает бесконечная тоска. Это место («генеалогия») для меня пусто. Там брезжит нечто серое, неживое, леденит душу скука и бессмыслица. Мне хочется бежать, исчезнуть, скрыться. Я не хочу знать, кто еще в прошлом или в настоящем, в связи со мной или безо всякой связи, носил или носит такую же фамилию. Имя «собственное», какое разочарование! При первом более или менее внимательном рассмотрении оно оказывается вовсе даже не собственным, а всеобщим, все равно чьим, ничьим. Мне все равно, что за имя я ношу.

И все же нет, мне не все равно.

Но как же так?

Секрет заключается в том, что я ношу не свое имя. Не свою фамилию. То есть она моя, но не моя, не изначальная, неправильная. Фамилия моя, но не та, что моя, имя мое, но не то, которое мое, то есть не та, не то, что мне было дано от рождения. Ну вот, начинается, как сказал бы мой папа. Опять эта ужасная путаница. Хорошо, что меня не слышит (надеюсь, что никогда не прочтет) какой-нибудь психоаналитик. Не просто путаница, а невнятица, перекосяк; не просто темнота незнания, так себе, мол, нет и не надо, а мешанина всего и со всем, как на моей карточке французской медицинской страховки, на которой я фигурирую – просто как в Винни Пухе – «под именем»: Medvedkova, Yarkho Olga Anat.

4. «Некогда, очень давно, кажется, в прошлую пятницу, Винни Пух жил сам по себе в лесу, под именем Сандерс... – Что значит „под именем“? – спросил Кристофер Робин. – Это значит, что над дверью у него было имя, написанное золотыми буквами, а он жил под ним».

(Все иностранные тексты здесь будут в моем переводе, так я никому ничего не должна.) И по-английски, и по-русски, и по-французски можно одинаково «жить под именем», быть «известным под именем». «Под»: имя сверху, ты внизу. Имя – этикетка, надпись (золотыми буквами), доска, а мы под ней. Имя – не корни, мы живем не НАД именем, а ПОД ним. Но это и не крона дерева, а прибитая кем-то до нас дощечка «Мистер Сандерс», под которой мы задумчиво сидим на пне и смотрим в небо, как любимый медвежонок на рисунке Е. Г. Шепарда из оригинального издания книжки Милна. Ему самому (Винни Пуху), пока ему об этом не сказали, было все равно, под каким он жил именем. Так мы можем знать, а можем не знать, кто жил в квартире, в которой мы ныне живем, кто построил дом (Джек)... и т. д. Незнание не мешает нам жить «под именем». Если мы не знаем, так даже в некотором смысле проще; но в один прекрасный день мы узнаём. И после того, как мы узнали («Теперь я знаю, сказал ворчливый голос») ... мы продолжаем жить под этим именем, как прежде... или нет?

5. Одним из фундаментальных принципов структурализма является представление об арбитражном характере знака; идея о том, что между словом и вещью нет смысловой связи. Вещи называются так или сяк случайно. Эта идея лингвистического произвола противопоставлена Фердинандом де Соссюром древней философской и теологической традиции. Но существовала и другая, не менее древняя критическая традиция («Кратил» Платона).

«Роза под любым именем будет пахнуть так же сладко».

С этой дерзкой, до сих пор столь свежей и энергичной фразы начинает свою статью об именах Дэвид Лодж (статья вошла в его знаменитую книгу «Искусство художественной прозы»). По отношению к структуралистской теории, касающейся вообще всех слов, пишет Лодж, имена собственные – в особой ситуации. Наши имена нам даются нашими родителями не случайно, а с некоторым конкретным семантическим намерением. Тогда как фамилии такого смысла, или скорее именно намерения, лишены (в точности как в ситуации, описанной в «Винни Пухе»), или, во всяком случае, это значение давно утрачено; о том, что означала фамилия, давно забыли, и она превратилась в бессмыслицу. «Мы не ожидаем от нашего соседа, господина Шеферда (Пастухова), что он станет пасти овец...»

6. Эта ситуация радикально меняется, когда человеку безродному (сироте, найденщю) фамилия специально (намеренно) придумывается. Как, например, в истории с Оливером Твистом. Мистер Бамбл объясняет:

Мы называем наших сирот по алфавитному порядку. Предыдущий попал на «С», и я назвал его «Сваббл». Этот попал на «Т», и я назвал его «Твист». Следующий будет... (и т. д.) У меня имена заготовлены до конца алфавита, а потом, когда мы дойдем до последней буквы, то пойдем по новой...

Миссис Манн ему на это отвечает: «Да Вы просто литератор какой-то». И это так и есть, ибо Диккенс нам тут в комическом виде показывает, как работает писатель. В отличие от нормальных людей, у литературных персонажей – как у сирот – придуманными оказываются не только имя, но и фамилия. А отсюда следует очень странный вывод о связи литературного творчества и сиротства... но мы сейчас не об этом. Придуманная писателем для своего героя фамилия часто (почти всегда) что-то значит (если героя книги зовут Пастухов, то это серьезно), а если не значит чего-то конкретного, то, по крайней мере, хотя бы привносит некоторый аромат значения, некую интонацию, интуицию или эмоцию. Примеров тому множество.

7. На самом деле всякая фамилия хоть что-нибудь да значит. Если не в прямом, то в переносном смысле. Услышав, что такого-то зовут Дюпон, Полиньяк или Зингер (во французском произношении, Сэнжэ), всякий француз понимает, что первый происходит из скромной семьи, второй аристократ, а третий еврей. По русским фамилиям мы можем приблизительно догадаться о географическом происхождении семьи, о социальных корнях. Хотя, например, Строгановы могут быть наследниками как богатейшей дворянской фамилии, так и их крепостных.

Я запомнила такую историю, рассказанную мне в юности внуком графа Т. В самые что ни на есть советские времена его дедушка вызвал раз такси, а сам задержался; когда же наконец спустился, таксист сказал ему: «Эх, не стал бы я вас так долго дожидаться, если бы вы не были моим однофамильцем». Граф Т. в ярости выскочил из машины. Понятное дело, в иные времена «однофамильца» бы выпороли розгами на конюшне.

18 марта

1. Medvedkova, Yarkho Olga Anat.

Что это означает? Для французского бюрократа это может означать лишь одно: имеется в наличии фамилия – странная, нездешняя, длиннющая, ну да ладно, переживем: Медведкова. И три имени, тоже ничего особенного. Ольга – имя понятное, оно во Франции случается, даже у чистокровных (если такое бывает) французов. Анат – тоже имя хорошее, правда скорее еврейское. А вот Ярхо – странновато. Непонятно даже, как это толком произносится... Хотя как только теперь детей не называют.

Ладно. Пожалеею кота, не стану тянуть его за хвост. Дело было так.

Девочка родилась в Москве, 13 февраля 1963 года; отец ее звался Анатолием Вениаминовичем Ярхо, а мать Еленой Михайловной Медведковой. Девочка получила от рождения имя Ольга, отчество – Анатольевна и фамилию – Ярхо. Чего, казалось бы, проще. Но когда ей исполнилось шестнадцать лет и пришло время получать паспорт, родители ее, которые к тому времени развелись, решили, что хорошо бы ей фамилию поменять: с папиной на мамину, с еврейской на русскую. Ибо девочка собиралась поступать в университет, а туда с еврейской фамилией поступить было гораздо труднее, чем с русской. Сказано – сделано. И вот таким макаром (что за Макар такой? вот ведь тоже имечко) девочка Оля Ярхо в 1979 году, в возрасте шестнадцати лет, умерла, а вместо нее родилась уже сразу девушка, по паспорту «Ольга Анатольевна Медведкова, русская». Таковая девушка в 1980 году благополучно поступила в Московский университет. Об Оле Ярхо все вскоре забыли. И сама она почти не вспоминала о тех временах, когда звалась этой странной, короткой и хриплой фамилией, начинающейся на последнюю букву алфавита. Да, Оля Ярхо всегда была последней во всех списках. И это было неплохо, вовсе не обидно, а даже наоборот (именно что наоборот): последняя – она же и первая с другой, обратной, стороны. Что важно, это что крайняя. – Кто тут крайний? – Я(рхо)! Да, главное, что фамилия эта была «я». Просто «я», плюс в конце еще несколько скрипучих, как вздох, звуков с шуршанием «рх». И заканчивался вздох на «о». Похоже на «охохо» или даже «хорошо», что-то в этом роде. Как эхо. И писалось быстро, одним росчерком. Однажды на уроке литературы учитель задал им сочинить друг про друга стихи-эпиграммы. И чтобы рифма была на фамилию. Про нее придумали такое:

О-хо-хо, хо-хо, хо-хо,
на столе сидит Ярхо.
Надо нам снимать Ярха,
чтобы вынуть потроха.

Так ее, чтобы не задавалась, просклоняли. А она, нет, не склонялась, ну ни чуточки. Хвастаться при этом было особенно нечем. Девочка училась в «специализированной школе с преподаванием ряда предметов на французском языке». Так тогда еще писалось, хотя ряд предметов уже к тому времени сузился, и преподавали главным образом сам язык, со второго класса и по несколько часов в день (был еще хор, где пели французские песни). В этой школе и среди учителей, и среди учеников было много таких несклоняемых фамилий. Да и классную руководительницу звали Ф-ман. Она была серьезной партийной дамой, и когда (кажется, в седьмом классе) родители увезли одну из учениц в эмиграцию, то товарищ Ф-ман объявила об этом классу в трагическом стиле: «У них же все, все было! Почему они уехали?» На этот правильно поставленный вопрос не было тогда дано ответа.

А когда уже Ольга Медведкова уехала жить во Францию в 1991 году и меняла документы с русских на французские, ей пришлось перевести на французский язык и свое свидетельство о

рождении, и свидетельство о перемене фамилии. Из этих двух переводов французский бюрократ ровно ничего не понял и сложил, задумавшись о постороннем, это самое: «Medvedkova, Yarkho Olga Anat». Короче: подпоручик Кижэ. Так моя первая, не девичья, а девочкина фамилия стала, по воле писаря, моим вторым взрослым именем, а половина моего отчества стала именем третьим. А фамилия моей мамы, написанная латиницей, – моей окончательной фамилией. Никогда больше ни на какую другую я ее не сменила. Никогда не поддавалась на искушение псевдонимом. Ибо была уже, необратимо, раз и навсегда, двухфамильной.

2. Да, пишет Пруст, есть во французском народе этот культ аристократии. И описывает, как его бонна Франсуаза, которая хладнокровно слушала рассказы про беспроволочный телеграф, обмирала от восторга, едва при ней упоминалось, например, что младший сын Германтов носил титул князя Долерон. При звуке этого имени Франсуаза застывала в блаженном оцепенении, «как в церкви перед витражом».

3. «А роза под любым именем будет пахнуть розой».

4. «А Адам дал своей жене имя Ева, ибо она была матерью всех живых» (Бытие 3: 20).

«И человек дал имена всем своим животным, и всем птицам в небе, и всем зверям в полях» (Бытие 2: 20, 23).

«Он дал ему имя Ной, сказав: Он нас утешит от наших трудов» (Бытие 5: 29).

«И она дала ему имя Моисей, ибо сказала: я спасла его из вод» (Исход 2: 10).

Часто библейские имена, про которые сказано, что они то-то означают, ничего или не это означают. Это так называемая фальшивая библейская этимология. Авраам (даже с удвоенной «а») вовсе не означает «отец народов», а Моисей (египетское имя) означает не «спасенный из вод», а «рожденный от» (м-с), как в имени Рамсес, то есть рожденный от бога Ра. Но в случае с Моисеем не говорится, от кого же он рожден. Святая Тереза из Лизье получила однажды в школе плохую отметку за то, что забыла имя отца Моисея.

5. О живом имени, противопоставленном смерти, у Анри Волохонского в статье «О Сакральном значении имен в Священном Писании»:

В этом и состоял смысл проклятия – то, что могло быть духовным и благодатным, стало материальным и смертоносным. Первое, что сделал Адам, услышав это, было попыткой установить утраченную связь с Богом: он дал имя «Жизнь» – Ева собственной жене, желая противопоставить смысл имени мертвой обыденности существования.

Имена для поэта – «действующие реальности».

6. В древности на Востоке имя, любое и всякое, – целая фраза, включающая в себя имя бога (имя-теофор). Такое имя дается для защиты человека, который это имя носит. Первые такие имена появляются в Месопотамии: Навуходносор означает «да защитит нас Бог Нави». Нефертити значит «красавица (Атор) пришла», а Тутанхамон – «живая икона Амона». Чтобы было понятно, что это не просто фраза, а имя, после нее рисовали человечка. Этот человек не читался, а только подразумевался. В надписях часто после имени-фразы следовало прозвище: например, «Диди» или «Мими». В Греции людей называли Аполлино, Аполлодоро. А в еврейском мире Бог входит в имена в виде «эль»: Эммануэль (Бог с нами), Езекиель (в Боге сила), Габриэль (Божий человек), Екутиэль (надежда Бога)... На латыни такие имена содержат Тео или Део: Амедео, Доротея, Теофил. По-немецки Гот: Готтлиб. В Федоре (дядя-Федя-сьел-

медведя) мы не сразу слышим «Божий дар», не непременно чувствуем, что Федор и Богдан омонимы.

7. Кстати о Теофиле: в романе Торнтон Уайлдера «Теофил Норт», названном именем главного героя, в главе «Мино», повествующей о гениальном мальчике-инвалиде, которого Теофил знакомит с красавицей Аньес, есть сцена с угадыванием значения имен.

– Мино, ты должен разгадать такую загадку: что общего между именами того, кто нас сегодня пригласил, и моего любимого композитора Моцарта?

Мино на секунду поднял глаза к потолку и улыбнулся.

– Теофилус – тот, кто любит Бога по-гречески, а Амадеус – тот, кто любит Бога на латыни. Аплодисменты и приятное удивление, особенно мое.

– Бодо подговорил меня спросить вас, – добавила она скромно.

– И Моцарт прекрасно об этом знал, – сказал Бодо. – Иногда он подписывался этим именем по-гречески, иногда на латыни или по-немецки. Как это будет по-немецки, Мино?

– Я не очень хорошо знаю немецкий, но... льебе... и Готт... а вот, получилось: Готтлиб...

На самом деле Моцарт был записан при рождении под следующими четырьмя именами: Иоаннес-Кризостомус-Вольфгангус-Теофилус. Он сам перевел потом свое «Теофилус» на латинский: «Амадеус». Что же касается Торнтон Уайлдера, то он, как автор самый что ни на есть интертекстуальный (ужасное слово), дразнит тут своего читателя, ибо он ведь сам называет своих героев как ему нравится, а потом его герои как бы случайно узнают о смысле своих имен.

Аньес снова обратилась к Мино:

– А мое имя значит ягненок?

Мино взглянул на меня, но сразу же опять повернулся к ней.

– Может быть, но некоторые считают, что оно происходит от более древнего слова, от греческого «ань», которое означает «чистая».

Думал ли Уайлдер, когда писал это, о женщине по имени Анастасия Барашкова?

19 марта

1. Трехактная опера Вагнера «Парсифаль» была впервые представлена 26 июня 1882 года, на Втором фестивале в Байрейте. В основу ее был положен старинный текст Вольфрама фон Эшенбаха (1170–1220), а тот в свою очередь основывался на произведении Кристиана де Труа, написанном за век до того. По Вольфраму, когда мать Парсифаля, Герцелойда, узнает о смерти своего мужа Гахмурета, она прячется с сыном в лесу. Там она воспитывает мальчика в полном неведении о своем происхождении. О своем имени он ничего не знает до тех пор, пока ему об этом не расскажет его кузина Зигуна, незадолго до того, как он должен предстать перед королем Артуром. Из страха, что он станет рыцарем и погибнет, как погиб его отец, мать его ничего ему не объяснила, ничему не научила. Чтобы избавить его от смерти, она лишила его имени. Так он и рос безымянный. При дворе Артура его приняли благосклонно благодаря его невероятной красоте, силе и гибкости лесного зверя. Когда сын объявил матери, что уезжает с рыцарями, она, все еще надеясь, что его страсть к рыцарству продлится недолго, нарядила его как шута и дала ему глупые, абсурдные советы о том, как себя вести. Она думала, что он прослышет идиотом и вскоре вернется. Он и поступал, как та велела, прибавляя всякий раз: так меня матушка научила. В результате произошло нечто ужасное. Из-за того, что Парсифаль не знал своего имени, он нечаянно убил близкого родственника. У Вагнера волшебница Кундри открывает Парсифалю тайну его имени: «парси» значит чистый, а «фал» дурак; короче, чистый дурак.

2. Что же до девочки Оли Ярхо, то не только с фамилией, а еще задолго до того и с именем ее были у ее родителей серьезные проблемы. По абсурдной случайности, после всех переездов, пересечений границ и бесконечной смены документов, у меня сохранилась переписка ее родителей в момент ее рождения. Вход мужчинам-отцам в советский роддом был строго-настрого запрещен. И вот они друг другу пишут: она – ему, он – ей, в палату № 34 Института акушерства и гинекологии, располагавшегося в доме № 2 по Большой Пироговской улице (они жили в коммунальной квартире № 70 дома № 37–43 по той же Пироговской улице, кстати, по соседству с домом, в котором в 1920-х годах жил Булгаков).

– Ну как да что, как здоровье, как «девочка»?

– Вроде курносая...

– Как же так? Моя ли это дочь?! Моя курносой быть не может!

Друзья, родные тоже пишут записки-записочки, как да что, как там «девочка»? В чем дело? Почему у этого ребенка до сих пор нет имени? По позднейшим рассказам, еще до рождения между ними было решено: если мальчик – называет мама, и будет тогда непременно Михаил, в честь дедушки Миши Медведкова – маминого обожаемого папы. А если девочка – то называет папа, и тогда полная неясность. Дни идут. Вот пишет подруга: «Как ты себя чувствуешь? Разрешили ли тебе уже ходить? Как *девочка*? Тебе огромный привет и поздравления от Ю. Он уже достал книжку про Пикассо и, наверное, уже выслал. Надеется (и я тоже), что она тебе понравится».

3. Книжка про Пикассо – в советский роддом от французского друга подруги – вот так предмет первой необходимости! Книга эта вернулась в Париж, вот она: стоит на полке. Ее автор Пьер де Шампри, а называется она «Пикассо в тени и на солнце». Издательство: «Галлимар», год издания: 1960. Я знаю ее наизусть, ибо с ней в обнимку прошло детство. А книжка хитрая. В ней рассказывается о мотивах, которые Пикассо использовал в своем творчестве; показывается вся та история искусства, которую он проработал и пропустил через себя. Рассматривая эту книгу, можно привольно бродить по территории искусства; можно гулять в садах творчества

и даже заразиться чувством связи между теми, кто на эту территорию вступает, кто по ней прогуливается. И я заразилась – этим чувством родства, этой уверенностью в том, что все всегда растет в искусстве одно из другого. Там в этой книжке был портрет жены Пикассо – Ольги. То, что она Ольга, не удивляло, что русская балерина в Париже, тогда, в детстве, не заинтересовало. Да и как было такое себе представить?

4. «Леночка! Возвращайся скорее. Наши приготовления подходят к концу. Пеленки, распашонки, чепчики уже ждут *девочки*. Жду тебя очень, очень. И еще, очень хочу увидеть девочку. Целую тебя и дочь». От другой подруги: «Ну как твое материнское мироощущение? Обо всех твоих прошедших переживаниях поговорим при встрече. Ну как твое *чадо*? Говорят, что ты *его* уже кормишь. (Ребенок уже в мужском роде!) Ты не падаешь в обморок от *его* прикосновений?» Дальше рассказывается, как данная подруга проектирует кузнечный цех. Инженер, стало быть, как и мама. А вот телеграмма от родственников Медведковых из Симферополя, посланная на имя «Ерхо» (кто ошибся, они или почта?) девятнадцатого февраля, то есть «чаду» уже неделя: «поздравляем-дорогих-родителей-дочкой-желаем-всем-здоровья-медвековы» (без второй «д», то есть именно так, как мою фамилию регулярно пишут во Франции, иначе им слишком длинно, да и зачем повторяться). А вот отдельно телеграмма от бабушки Миши. Тут уж вообще не до имен. Кратко, четко и донельзя путано: «горячо-поздравляю-целую-маму-дочку-папа». Вот так! Кто кому кем приходится? Так и я, во время моего первого и последнего сеанса психоанализа, в первой же фразе, так запуталась в родственных связях, так заблудилась в трех березах (или дубах? нет, кажется, соснах), так все перепутала между собой-дочерью и собой-же-матерью, моей матерью, ее дочерью (я) и дочерью (моей), что аналитик чуть не лопнул от счастья в предвкушении ближайших тридцати как минимум лет, потребных для распутывания этого клубка, но не тут-то было.

От тети Лили Г., которая подарит мне мои первые часы, научит свистеть и кататься на коньках, послание такое: «Лена, с дочкой, салют! Как здоровье твое и твоей дочки? Лена, пожалуйста, напиши, как кушает твоя дочка? Напиши, она очень толстая? Она синенькая или уже нет? (Имени еще нет, а уже толстая и синяя.) Толька (мой папа) выглядит после родов как петух. Звонит он мне тринадцатого и говорит, что дочь, и просит купить цветов. Я – цветов нет, есть корзины. Он – из-за денег дело не встанет. Я – покупаю корзину за 8 р. 24 к. Такая, собака, тяжелая, еле ее дотащила до дома (я с обеда отпросилась). Звоню Толе и говорю, что надорвалась. Он перед больницей приезжает ко мне. Рассказывает, что две ночи не спал, только курил. Он настолько переутомился и переволновался, что я вышла на минуту на кухню, а по возвращении он крепко спал. В роддоме, чтобы передали тебе корзину, он сунул нянечке Нюре 1 р. и завел с ней контакт. Я не открываю Америки, говоря, что он очень тебя любит, но все-таки думаю, что это тебе будет приятно. Из роддома поехали к тебе домой, выпили, послушали музыку. Все время спрашивала, как будешь называть девочку, он сказал: буду советоваться с женой».

Так у меня имени и нет. Зато мы знаем: та нянечка, что получила рубль за внос корзины, звалась Нюрой; папа начал фантазировать, как он ее уговорит и она его пустит к маме в палату. «Ой, Ленка, если бы ты видела, как он ждал твою записку! Смехота! И ждал он ее не напрасно. Записка была очень теплая, да что я говорю, просто любовная».

Из других примечательных текстов есть еще такой (от коллеги): «А дочка очень смешная? Вы случайно не знаете, как ее будут звать? Как Вы с ней справляетесь? Неужели Вы можете ее отличить от других детей?»

А вот еще письмо...

Я же историк, работаю с архивами. Я историк на карантине, а потому работаю с теми архивами, что под рукой, под боком, под самым носом, рукой подать и т. д.

5. Но прежде – небольшой перерыв. Он необходим по меньшей мере для того, чтобы мой проходивший мимо муж (зовут его Филипп), которому я рассказала (с азартом) о том, что в течение первой недели, а то и всех первых десяти дней моей жизни была безымянной, ответил, что он тоже. Да и сестру его решили как-то назвать в последнюю минуту, когда пора было идти записывать. И что «раньше», сказал он, детей вообще часто никак не называли, ибо не знали, выживут ли они. Ждали до крестин, чтобы не хоронить уже такого-то по имени, но еще не крещенного ребенка. Так что первое время дети были «никто», в ожидании подтверждения того факта, что приняты в сообщество живых: имя выдавалось как подарок, как награда за живучесть.

6. И снова Пруст в «Германтах»: «...так мы даем имена Марса, Венеры, Сатурна звездам, в которых нет ничего мифологического. Мы чувствуем в одном мире, а именуем в другом, мы можем кое-как согласовать эти два мира, но мы не можем заполнить пропасть между ними». «Согласовать» – важное у Пруста слово. Как согласовать мир чувств и мир имен? А мир чувств – это ведь и мир тел, да и мир вещей. А мир имен – он звездный. В пропасти между этим миром и тем рождается литература.

7. Лабрюйер в «Характерах» так пишет о сильных мира сего: «Довольно и того, что у нас с народом одна религия и один Бог: не хватало еще зваться Пьер, Жан, Жак, как торговец или хлебопашец. Постараемся же не иметь с ним ничего общего; подчеркнем все, что нас от него отделяет; пусть они берут себе двенадцать апостолов, их последователей, первых мучеников (каковы люди, таковы и их святые покровители); пусть с радостью ждут ежегодного возвращения своего дня, который каждый отмечает как личный праздник. Нам, сильным мира сего, подойдут имена светские, пусть нас окрестят Ганнибалом, Цезарем, Помпеем, это были великие люди; Лукрецией – знатная была римлянка, Рэно, Рожэ, Оливье и Танкред, это были рыцари, в романах нет героев чудесней; пусть назовут нас Гектором, Ахиллом, Геркулесом, они были полубогами, и даже Фебусом и Дианой; и кто запретит нам зваться Юпитером, Меркурием, Венерой или Адонисом?»

8. «Что в имени тебе моем?»

9. У меня – после всего, что было выкинуто, потеряно, что пропало – мало что сохранилось. Почти ничего. Я думаю о детской комнате моего мужа, которая все еще существует, о чердаке их семейного дома, стоящего все там же, на том же месте, о розовом кусте, пересаженном из сада его бабушки, о бабушкином доме в деревне по соседству – напротив церкви, где она всю жизнь играла на фисгармонии. Я думаю об этом мире чувств, вещей, земли, домов, камней, деревьев – и сравниваю это с моим бедным миром, сплошь бумажным. Только и есть что желтые листья; да в придачу пара имен. Как мне быть? Как быть? Так мало (д)осталось, так нет же, давай делись и этим. А мне-то самой, одной? А для меня? Где мой мир чувств? Где моя оболочка? Где кожа моя? Где дом мой – домишко? Где гнездо, дырка, будка? Где никто не тронет, не плюнет? Где мой пень, под которым никто не пнет? Нет такого места. Нет такой будки, нет ошейника, хоть бы и с не собственным, а хоть с чьим-то, с чужим каким именем, с любим. Только дорога меж голых стволов, только идти по ней в темноте, не зная, куда ступит нога, устоит ли, поскользнется? А неважно, ты знай себе иди, ты, эта, как-тебя-по-батюшке, эй-девушка, женщина-в-зеленой-шапке, нет, не вы, крайняя-слева, давай поворачивайся и, раз, колючим в спину. Чужая дорога, чужая память, чужие дома, чужое тело, чужое имя. Ничего своего. Ничего. Только листья бумаги. Шурши ими, историк.

20 марта

1. А эти страницы – вырванные из старого детского блокнота, что это?

На них дата: 1978 год.

И имя: О. Ярхо.

Такая была писательница. Писала короткие рассказы, эскизы с натуры. А на следующий 1979 год ее не стало. Померла. Испарилась. «Оли Ярхо» потом больше не было. 1978-й – последний год в ее жизни. Вместе с утратой имени она и писать перестала. О чем же таком она писала, эта писательница – «О. Ярхо». Два «о», в начале и в конце, рифмуется; если играть в повешенного, будет «О-о». Но лучше в него не играть.

А Гоголь свою первую поэму подписал «О-о-о-о», то есть никОлай гОгОль-янОвски.

2. Вот один такой листок: «Нарцисс (подчеркнуто красным) пытался познать себя, осознать в пространстве. За это его наказали всемогущие боги. За это, а не за самовлюбленность. Множество самовлюбленных жили, здравствовали и были даже поощряемы. Самопознание же – божественное занятие, а боги не прощают, когда смертные, забывшись, путаются не в свои дела. Так была наказана искусная в ткачестве Арахна и Марсий, состязавшийся с Аполлоном в игре на флейте, и Актеон, залюбовавшийся телом девы Артемиды. И еще бы всемогущим не охранять от посягательств круг своей деятельности. Стыдно отличаться от смертных лишь сроком жизни». Ишь ты, философ пятнадцати лет. Философ, в мужском роде? Ну не «философиня» ведь? Хотя, может быть, теперь и можно, и даже нужно все заканчивать на «ня». Но тогда, в 1978 году, точно было нельзя. А «Ярхо» – не распознаешь, мужчина ли, женщина ли? Фамилия безгендерная. Если с одними инициалами, так и вовсе беда. Поди знай, кто за ней прячется. Да и фамилия ли это? Может это только вздох, в память о том, чего не было, что могло, да не случилось.

3. Вот другой листок. «Воскресный вечер». Станный такой рассказик. Для журнала «Мурзилка» или «Юный натуралист», или что там еще тогда было, не помню: «Я сижу с ногами в кресле, в углу моей комнаты, закутавшись в красную вязаную шаль. Напротив на диване сидит мальчик. Он невысок ростом и тонок: узкие бедра, запястья. Ходит прямо, высоко подняв голову и опустив плечи, а руки держит за спиной. У него пепельные волосы. Говорят, он хорош собой. Не знаю. Он говорит, а я сижу и слушаю. Он говорит о том, что у него плохое настроение, что он не хочет заниматься ничем, кроме живописи. Но через минуту – и живописью уже тоже не хочет. – А зачем? – говорит. Я не знаю зачем. Откуда мне знать? Но когда он умолкает, я начинаю говорить. Я говорю и накручиваю на пальцы левой руки длинные красные кисти, а потом запутанной левой с трудом и упорством завязываю пальцы правой. Вдруг я замечаю, что сижу в кресле со связанными кистями и удивляюсь этому. Я думаю: когда-нибудь я напишу рассказ, который будет называться „Автопортрет со связанными пальцами“».

Вот тебе и на. «Мальчик», без имени. Просто мальчик.

Вот еще рассказ. Тут главная героиня «девочка». Но его я пересказывать не стану, а пойду, пожалуй, выброшу его куда подальше. Он про сон, странный, страшный и на что-то уж слишком похожий.

Еще рассказ про «студента», читающего лекцию «юным историкам» в кружке при университете. Он объясняет им, что историк всегда выполняет заказ государства и что его долг – быть конформистом. При этом он смущенно улыбается и нервно покашливает. Опять нет имени: студента зовут студент.

Другой рассказ, снова про «мальчика», на перемене в школе. У него «виноватое лицо». Над ним издеваются, особенно один, «рыжий». Виноватоликий не противится, а, напротив

того, даже старается рыжему подыгрывать. О чем это? И почему у этих мальчиков и девочек нет имени?

4. Дальше идет тетрадка с набросками воспоминаний из раннего детства. Одно из них про то, как няня водит девочку гулять на кладбище. Семья живет напротив Новодевичьего монастыря: кладбище при нем. На кладбище главное развлечение, когда играет оркестр, а это бывает, когда случаются похороны; тогда несут красный гроб с бархатной оборкой. Мама няне на кладбище водить девочку не позволяет. А няня все же водит, но всякий раз, для отвода глаз, спрашивает ее: ты куда хочешь, на кладбище или уже домой пойдешь? – Конечно, на кладбище, какой вопрос! Какая ты, няня, глупая!

Другое про нашу комнату в коммуналке со стоящими на полу коробками; в них книги. На одной из них напечатано «масло коровье», зачеркнуто, поверх написано от руки: «стихи». Так, между маслом и стихами, девочка учится читать (и зачеркивать). Еще разное, и несколько страниц с росписью, и так и эдак: «Ярхо», «Ольга Ярхо», «О. Ярхо»...

5. У героев этих детских рассказов нет имен, зато у них есть автор, у них есть «я». Вот рассказ, где главная героиня так и называется «я». Я пью чай с халвой и слушаю музыку. Я живу (в настоящем времени) в большой, полупустой квартире. А вот и прошедшее время подоспело: «Я жил в этом странном месте уже неделю». Оказывается, «я» – не я, мужского рода. Но в следующей фразе уже «благодарила». Что же это за «я» такое – мальчик или девочка? Флобер, конечно, писал о том, что автор – всегда андрогин, не человек, который живет «под именем» автора, а автор, живущий под видом человека (метафизика).

6. Наконец в творчестве «О. Ярхо» появляется «герой». Происходит это летом, на практике, в полутемном подвале хранилища отдела Древнего Востока, «по которому иногда пробежала вся разноцветная и позвякивающая заведующая. Она раздавала бестолковые поручения, явно не зная, чем бы нас таким занять, и убегала снова. Тотчас же из соседней комнаты раздавался стук печатной машинки и тянуло табаком. У нас же снова становилось тихо, всякое подобие деятельности прекращалось. Мы сели на драный кожаный диван и, зная, что другому этот процесс доставляет столько же наслаждения, занимались выяснением отношений. Это была наша любимая игра. Туда он (другой „он“) и пришел к нам знакомиться. Мы его приняли главным образом потому, что так, с ним в придачу, выяснять отношения было интереснее. В наших на ходу сочиняемых пьесах появилось еще одно действующее лицо. Вскоре однако выяснилось, что он к нашей игре пригоден не был. Самые простые ситуации и невинные слова его отпугивали».

Что это за подростки, играющие «в выяснение отношений»?

7. Еще листок с записью: «Пятнадцать лет мне скоро минет, дождусь ли радостного дня. Пушкин». Под цитатой адрес: 129278, Москва, Рижский проезд, дом 17, кв. 111, Ярхо А. В. Это адрес папы. Он с нами больше не живет. Он живет у бабушки Раи – Раисы Вениаминовны Ярхо, в Сокольниках. В ее светлой квартире с окном-эркером, которое выходит в Сокольнический парк, большой и густой, как лес. Там сначала идут железнодорожные пути, мост через них, а потом лес, то есть парк. В 1976 году родители развелись. Поэтому через три года мне и сменят фамилию. А пока мне пятнадцать лет, меня зовут Оля Ярхо и я пишу рассказы. Когда фамилию сменят, я рассказы писать перестану, как будто вместе с той фамилией...

Но нет, это только как будто. Ибо в этой истории нет начала, нет середины, нет конца; нет выводов.

Эта история – карусель.

21 марта

1. «Он не звонил целую долгую зиму и в школе не подходил на переменах, а потом в первых числах марта, в первую оттепель, приехал без звонка, как ни в чем не бывало, как будто мы вчера расстались и договорились о встрече на сегодня. Он привез кучу подарков. В коробке от гаванских сигар лежали леденец, фишка от лото и черная корсажная лента с вышитыми на ней красными человечками и зелеными собаками. Но главным подарком была, конечно, сама коробка. Мы пили чай и говорили о том, что нам делать в этой жизни и в этой стране».

И последнее: целый довольно-таки длинный рассказ «На даче», герой которого назван то Алешей, то Ильей, то Никитой... Про рассказ этот потом; там есть важный момент про имя. А пока уточнение: у героев пятнадцатилетней писательницы Оли Ярхо либо, как мы уже видели, нет имен вовсе, либо их много, больше, чем требуется для одного героя.

2. А вот Заратустра у Ницше в главе «Выздоровливающий», в переводе с немецкого Ю. М. Антоновского (о, эти русские инициалы, никогда не знаешь, как кого зовут, даже такое редкое Ю. может быть и Юрием, и Юлием), так вот Заратустра, на странице 192 в издании Петербургского дома «Прометей» 1911 года, восклицает: «Для меня как существовало бы что-нибудь вне меня? Нет ничего вне нас! Но это забываем мы при всяком звуке и как отрадно, что забываем! *Имена* и звуки не затем ли даны вещам, чтобы человек освежался вещами? Говорить – прекрасное безумие: говоря, танцует человек на всех вещах».

Дальше – о «лжи звуков». Имена – не о сути вещей, имена – это лишь игра. Те ли, другие ли, какая разница? Но какая сладкая это игра, как она освежает... как хочется нам именами напиться, умыться. Имена – как вода, текут, меняются, играют на порогах, обновляют журчанием... как хорошо! Любое имя подойдет. К одному лишь имени, даже самому звонкому, зачем нам привязываться? К тому ли, к этому? И что нам в именах искать, кроме их звука, их музыки, под которую так дивно танцевать? Если им поддаться, имена привяжут нас к отцам, отцы к могилам, могилы к мертвым. А зачем нам мертвые? Нам бы прыгнуть в жизнь, в золотой морской прибой. Между тайной личности и именем – Ницше поставил жизнь. А раз жизнь, пойдём купаться!

3. Вот и у Рембо:

Она найдена.
– Что? – Вечность.
Это море идущее
вместе с солнцем.

4. Снова у Ницше, в главе о «Великом томлении»: «О душа моя, я дал тебе новые имена и разноцветные игрушки и назвал тебя „судьбой“, „пространством пространств“, „пуповиной времени“ и „лазоревым колоколом“».

Вот как он шутит с нами, Заратустра, какие дает сам себе имена. Эти имена – пародии. Звучат они важно, серьезно, а ведь это он так смеется надо всеми тайными и явными значениями имен: и назвал он того-то так, как назвал, потому-то и потому-то... Так нет же, ничего не значат эти имена, а только звенят, поют, трещат, цокают как птицы, квакают, горланят и гортанят. Имена – трещотки.

5. Имя твое льдинкой на языке...

Имя твое, ах нельзя,

имя твое поцелуй в глаза...

Это у Цветаевой. У нее много про имена – разноцветные бирюльки, погремушки, драгоценности. «Как я люблю имена и знамена, волосы и голоса». В паре со знаменами, имя – декорум, в троице с волосами и голосами – это про что-то иное, прямо противоположное.

Так и имя Германтов сияет на княгине, носящей его, слишком обильным ожерельем. Это имя вносит в залы парижских салонов запах полей и лесов, запах французской земли. А под этим именем, как под сводом, в котором заключены и все стихии, и замки, и вода, и дух, носящийся над водой, «под» этим именем-небо-сводом, сидит, как под зонтиком, скучная женщина с мелкими прыщиками на подбородке и с презрительным взглядом, нарочно уставленным в стул, чтобы случайно не встретиться с кем-то живым, кто этой встречи не достоин. Какая прекрасная штука, какая звонкая шутка – имя. Как и с Ницше, с Прустом весело!

Имена у Ницше – это прощание (временное) с культурой, в которой не только собственные имена, но и все прочие имена вещей (нарицательные и порицательные) заключали в себе смысл (прорицательные), были похожи на эти вещи. Язык в этой традиции – придуман Богом или его секретарями. Эй, Заратустра, не трогай язык, положи игрушку на место. Куда там, крутит ее, вертит. «Твой великий избавитель, о, душа моя, не имеющий имени, которому лишь будущие песни найдут впервые имя!»

Ах вот ты как!? Ах вот оно что!? Не сначала имя, а только потом. Хорошо же. Ладно. «Ибо я люблю тебя, вечность!» Дальше больше, и вот кульминация: «Называй меня, впрочем, как хочешь – я тот, кем я должен быть. Сам же себя называю я Заратустрой». Ни имени, ни отчества, ни фамилии. Плакала анкета. Отца-и-матери-непомнящий, в-звонящий-каскад-прыгающий, в-цветной-бубен-имен-бьющий принимает от других любое имя. А сам-то?..

По-французски, по-немецки, по-итальянски, на иврите: я «сам себя зову», je m'appelle, не странно ли? Такое вот лингвистическое ницшеанство. А по-английски «мое имя такое-то». По-русски же «меня зовут» (другие). А как ты сам себя зовешь? А никак, на что мне самому себя звать. А ему зачем-то понадобилось: «Сам же себя называю я Заратустрой». Что значит древнеперсидское (авестанское и даже диалектно-авестанское) слово «заратустра»? Да попросту «ведущий верблюда», что-то вроде верблюжьего пастуха...

6. В «Египетской марке» Мандельштама – сокровищнице образов и чувств, имеющих непосредственное отношение к нашей теме, – некий человек по имени Шапиро живет на Песках. «Я любил Шапиро за то, что ему был нужен мой отец. Пески, где он жил, были Сахарой... Я боялся, что на Песках поднимется смерч... Ночью, засыпая в кровати с ослабнувшей сеткой, при свете голубой финолинки, я не знал, что делать с Шапиро: подарить ли ему верблюда или коробку фиников, чтобы он не погиб на Песках...» Шапиро тоже вроде верблюжьего пастуха.

А тень Заратустры говорит Заратустре: «Вместе с тобой разучилась я вере в слова, в ценности и в великие имена. Когда бес меняет кожу, не отпадает ли тогда же и имя его? Ибо имя есть только кожа».

Вот это по-нашему!

7. «Что в имени тебе моем?»

А и верно, что? Бес и тот краше. Ни кожи, ни рожи. Ни имени толком. Пушкин! При чем тут «пушка»...

8. А только без веры в имена неуютно жить на свете. Как же жить без игрушек, в которые верить. Вот она уже, Тень Заратустры, и скисла, у-у-у, скуксилась, поскуливает: «Где дом мой? – говорит. – Дом ищу и искала и нигде не нашла». Ибо имя – кожа, но и дом – тоже. Нет имени, и дома не получишь. «О вечное везде, о вечное нигде, о вечное – напрасно!» А Зара-

тустра ей говорит: «Ты, Тень, иди отдохни. У тебя сегодня был плохой день, ты не выспалась. А я побегу дальше один. А вечером у меня – танцы!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.